

УДК 14(082.1)
ББК 87.3(2)6
К83

*Издание стало возможным благодаря
финансовой поддержке Фонда «Вольное Дело»
Точка зрения авторов издания может не совпадать
с точкой зрения фонда*

К83 **Петр Алексеевич Кропоткин** / под ред. И. И. Блауберг. —
М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН),
2012. — 447 с. : ил. — (Философия России первой половины
XX в.).

ISBN 978-5-8243-1690-2

В книге освещаются идеи русского философа, классика отечественной и мировой политической мысли Петра Алексеевича Кропоткина (1842—1921). Особое внимание уделяется современному значению его взглядов, которые на протяжении всего XX в. оказывали сильное влияние на анархистское движение разных стран. Авторы всесторонне исследуют этико-философскую, политическую концепцию Кропоткина, выявляют основные линии эволюции его воззрений, проводят сравнительный анализ, показывая отличие его идей от представлений других классиков анархизма — М. Штирнера и М. Бакунина.

УДК 14(082.1)
ББК 87.3(2)6

ISBN 978-5-8243-1690-2

- © Пружинин Б. И., общая редакция серии, 2012
- © Блауберг И. И., составление и общая редакция тома, 2012
- © Коллектив авторов, 2012
- © Институт философии РАН, 2012
- © Некоммерческий научный фонд «Институт развития им. Г. П. Щедровицкого», 2012
- © Российская политическая энциклопедия, 2012

С. Ф. Ударцев

Политическая и правовая доктрина анархизма П. А. Кропоткина: век спустя

*Особенности доктрины анархизма
П. А. Кропоткина*

Петр Алексеевич Кропоткин — выдающийся ученый и мыслитель мирового уровня, один из классиков теории анархизма. Смелые, ясные, честные, глубоко человеческие и критичные произведения Кропоткина оказали влияние на несколько поколений людей на всех континентах.

Его философия чужда обывательскому представлению об анархизме как тотальном разрушении, беспорядке и дезорганизации, праве сильного. Доктрина анархизма Кропоткина ориентирована на утверждение свободы и нравственной ответственности личности и общества, создание максимально благоприятных условий для осуществления блага всех и каждого через разумное использование инициативы, энергии, интеллекта, позитивного потенциала всех членов общества. В его трудах моделировались, как он полагал, основы грядущей гуманной, нравственной, разумной организации социальной (негосударственной) власти на началах федерализма, свободной самоорганизации

и самоуправления общества снизу вверх, утверждение гибких и гуманных принципов и форм права (без законодательства).

«Кропоткин, — пишет П. В. Рябов, — предпринял грандиозную и единственную в своем роде по масштабам и основательности попытку обосновать анархизм не как лишь программу действий общественного движения (хотя и позитивную программу он всесторонне разрабатывал), но как развернутое мировоззрение, основанное на научно-позитивистском фундаменте, как универсальную теорию: от естественных наук до социологии и этики»*.

Тем не менее и доктрина Кропоткина не была лишена определенных противоречий. Многие из них имели объективный характер и определялись противоречиями процесса познания и деятельности человека, обусловленными несоответствием бесконечного мира, его многообразия на всех уровнях организации, ограниченности человеческого познания, а также конечности и краткости человеческой жизни и связанных с этим возможностей человека. Противоречия и утопические черты в воззрениях Кропоткина позже, в теории постклассического анархизма, стали объектом жесткой критики.

И все же доктрина Кропоткина — одно из самых заметных явлений в истории политической и правовой мысли анархизма. Среди многочисленных теоретических вариантов интерпретации основ анархизма, его учение по ряду причин занимает особое место.

Во-первых, Кропоткин как ученый пытался осмыслить все проблемы *в научном плане, на научной основе*. Он доказывал, что его теория анархизма есть «необходимое следствие общего большого подъема в естественных науках, который произошел в XIX столетии»**.

Во-вторых, мыслитель признавал возможность *соединения анархизма как политического и правового учения с нравственностью*. Для общественных существ, к каким относится и человек, считал он, с естественной закономерностью выра-

* Рябов П. В. Философия классического анархизма (проблема личности). М., 2007. С. 240.

** Кропоткин П. А. Современная наука и анархия // Кропоткин П. А. Хлеб и воля. Современная наука и анархия / вступит. статья, сост., подготовка текста и примеч. С. А. Мндоянца. М., 1990. С. 239.

батываются объединяющие общество нравственные основы. Тем самым Кропоткин был близок той линии в истории мысли, которая отстаивала совместимость при определенных условиях политики и нравственности (Конфуций, аль-Фараби, И. Кант, Л. Н. Толстой, М. Ганди и др.). В отличие от мыслителей, допуская возможность соединения нравственности и политики в государственно-организованном обществе, он считал, что именно стадия общественного развития, именуемая анархией, преодолевающая, как он был убежден, государственность, способна также снять, минимизировать противоречия между нравственностью и политикой, обеспечить возможность их совпадения за пределами исторической зоны существования и функционирования государственности.

В-третьих, особое место учения Кропоткина в истории анархизма связано и с тем, что его творчество завершало *формирование классического анархизма и создавало предпосылки для выхода анархического сознания на новые исторические рубежи — формирование постклассических течений анархизма*. На следующей стадии развития анархического сознания предстояло переосмыслить исторический и идейный опыт классического анархизма, изменившуюся реальность, новые глобальные циклы и формы исторической эволюции государственности и законодательства как основных системно-институциональных мишеней критики со стороны анархического сознания.

В-четвертых, теория Кропоткина *более универсальна и лишена многих крайностей и одностороннего подхода*, делавших прежние и некоторые последующие теории анархизма весьма уязвимыми. Критика анархизма часто была связана с недостаточным учетом им сложных исторических ситуаций и условий, игнорированием идей иных политических и правовых доктрин, развития науки, техники, государства и общества в целом.

В-пятых, Кропоткин фактически создал *более либеральную и более центристскую теорию*, синтезирующую идеи анархизма и некоторые идеи различных течений освободительного движения, в том числе либерализма. В отличие от бакунизма его доктрина на шкале политического общественного сознания сдвинута вправо, ближе к центру.

В-шестых, это была *система идей евразийского мыслителя*, который в определенной мере синтезировал либеральные,

более динамичные и индивидуалистические идеи, ценности Запада с коллективистскими и более устойчивыми идеями и ценностями Востока. Это была достаточно широкая, объединяющая теория. В евразийском либеральном анархизме Кропоткина сторонники этих идей, революционеры в Европе (от Великобритании и Франции) и в Азии (до Китая и Японии) могли видеть многое из того, что находило отклик в их сознании, подтверждалось на практике, содержало ответы на возникающие вопросы.

Все эти особенности составляли отличительные черты его мировосприятия, доктрины. Они делали ее более близкой различным научным теориям государства и права, в том числе в государственническом (этатическом) сознании, сближали его анархизм с либерализмом, вызывали критику в чрезмерной осторожности со стороны представителей более радикальных, но менее фундаментальных по их теоретическим основам анархических движений.

Методологические основы, синтетичность доктрины

На политическую и правовую философию Кропоткина оказал влияние позитивизм. Во второй половине XIX — начале XX в. интерес к идеям позитивизма был не исключением, а, скорее, правилом. Многие известные ученые-географы и одновременно анархисты этого периода (Элизе Реклю, Лев Мечников), как и поздний М. А. Бакунин*, испытали влияние философии позитивизма, пытавшейся поставить философию на научную почву, подкрепить ее практическим опытом, связать с практикой. Универсальная методология позитивизма, применявшаяся и в естественных, и в общественных науках, его синтетическая философия совпадали с умонастроениями Кропоткина.

Подходу Кропоткина к изучению природных и общественных явлений была несвойственна терминология гегельянства, которая к тому же ассоциировалась с учением марксизма, за-

* О соотношении теорий, подходов, методологии, особенностей М. А. Бакунина и П. А. Кропоткина как мыслителей см., напр.: Ударцев С. Ф. М. А. Бакунин и П. А. Кропоткин: две судьбы, две системы идей (краткий сравнительный очерк) // Памяти М. А. Бакунина. М., 1990; Рябов П. В. Цит. соч. С. 239.

блуждавшего, как он считал, в определении путей исторического развития и прикрывавшего собственную неясность гегельянской терминологией и диалектикой. По мнению Кропоткина, выраженные «в столь отвлеченной и столь туманной форме» обобщения Гегеля «давали полный произвол мыслителям, когда они желали вывести практические заключения»*. Для Кропоткина и других естествоиспытателей ближе был ориентированный на проверку опытом, практикой позитивизм с его терминологией, приближенной к научно-практическому описанию процессов и явлений. Им импонировало, что позитивизм избегал конструирования теорий и идей, которые «останавливались на плодах нашего воображения»**, заведомо не поддавались проверке практикой и были ориентированы на сверхопытное мысленное отражение глубинных свойств предметов и явлений.

По Кропоткину, в социальных законах проявлялись закономерности, которые можно было проследить на иных уровнях организации мира, в частности, на ступенях эволюции социальной жизни, развивавшейся до появления человека в животном мире***. Так, закон взаимопомощи, определяющий эволюцию человеческого мира, рассматривался как частный случай общего биосоциологического закона эволюции общественных существ в целом, в том числе животных, живущих стаями, стадами, муравейниками, ульями и т. д. К биосоциологическим закономерностям он относил некоторые фундаментальные естественные основы права, зачатки которых прослеживаются в животном мире. Политический федерализм для него также был разновидностью универсального природного федерализма, проявлявшегося в макромире (структура звездных миров и планетных систем) и в микромире (строение молекул, атомов, иных частиц, образующих атомы, клеток организма).

Для методологии зрелого Кропоткина характерен стратегический приоритет эволюции. Революция как скачок в качественно иную систему общественных отношений, интенсивная и краткосрочная ломка прежних социальных институтов, норм,

* Кропоткин П. А. Современная наука и анархия. С. 270.

** См.: Там же. С. 220.

*** «...Общество, — писал Кропоткин, — вместо того, чтобы быть созданным человеком, существовало задолго до появления человека среди животных». См.: Там же. С. 275.

связей и фаза непосредственного рождения новых институтов и отношений, нового порядка рассматривались им как исторически назревающая закономерная фаза эволюции, по-разному проявляющаяся в различных исторических контекстах. Постепенно уточнялись и его представления о самой революции, ее задачах, формах, методах, этапах, возможностях и пределах допустимого, особенностях в разных условиях*. Как заметил А. В. Шубин, «Кропоткин проделал большой путь от чрезвычайно радикальной концепции революции, которая немедленно ведет к анархии, к идее переходных стадий к анархии и пониманию необходимости этической подготовки анархических отношений. ...Если рассматривать эволюцию Кропоткина от радикализма к умеренности, то мы можем воздать ему должное за принципиальность в начале пути и мудрость в его конце»**. Как и Бакунин в конце жизни, Кропоткин особое значение придавал уровню развития сознания общества, эволюции и воспитанию индивидуальной и общественной нравственности, культуры. Именно сознание и связанные с ним явления индуцируют и проецируют вовне приемлемые модели и формы жизни, влияют на эволюцию, устойчивость их изменений***.

* См.: Ударцев С. Ф. Политическая и правовая теория анархизма в России: история и современность. Алматы, 1994 (гл. 3).

** Шубин А. В. Место Кропоткина в развитии социалистической мысли // Петр Алексеевич Кропоткин и проблемы моделирования историко-культурного развития цивилизации. Материалы международной научной конференции / сост. П. И. Талеров. СПб., 2005. С. 427.

*** В связи с этим представляют интерес более широкие специальные исследования доктрины П. А. Кропоткина в сфере истории этической и педагогической мысли. См., напр.: Артемов В. М. Нравственное измерение свободы и образование (опыт реконструкции русского классического анархизма). М., 1998; Талеров П. И., Гарявин А. Н. Педагогические воззрения российских анархистов конца XIX — начала XX в. // Образование — наука — творчество / Адыгская (Черкесская) международная академия наук. 2004. № 4.

См. также: Пирумова Н. М. Петр Алексеевич Кропоткин. М., 1972; Маркин В. А. Неизвестный Кропоткин. М., 2002; Сапон В. П. Философия пробудившегося человека. Либертаризм в российской леворадикальной традиции (1840-е — 1917 г.) / Под общей ред. О. А. Колобова. Нижний Новгород, 2005; Ермаков В. Д. Анархизм в истории России: от истоков к современности: библиографический словарь-справочник / В. Д. Ермаков, П. И. Талеров. СПб., 2007; Сапон В. П. Терновый венец свободы. Либертаризм в идеологии и революционной практике российских левых радикалов (1917—1918 гг.) /

В целом для методологии Кропоткина характерен *синтез естественных и социальных наук, поиск метаоснований для научных гипотез и выводов.*

Как уже отмечалось, кропоткинская теория исторического развития соединяла также ценности западного (преимущественно индивидуалистического) и восточного (коллективистского) общественного сознания, хотя и с некоторым европоцентристским оттенком. В его доктрине взаимная помощь как основополагающий фактор развития человеческого общества в целом и человеческой личности выступала фундаментальной системообразующей силой, соединяющей, воспроизводящей и развивающей общество, основой этого синтеза.

К *синтетическому подходу* Кропоткин тяготел и как ученый-энциклопедист, владевший значительными познаниями в разных областях науки, видевший в них много сходства, параллелей, возможных точек соприкосновения, аналогий, взаимодействий, что стимулировало рождение новых междисциплинарных идей и концепций. Подход мыслителя предполагал открытость новому, по крайней мере до выработки завершенной теории, которая могла стать определенной самооценностью, новой ступенью познания. Как всякая логично завершенная и подкрепленная набором подтверждающих ее фактов новая теория, и его теория по мере ее формирования становилась более устойчивой к критике и способной аргументированно сопротивляться иным объяснениям процессов и явлений, которые ей не соответствовали. Но это был не догматизм, а определенная устойчивость, некоторый запас прочности логически обоснованной и доказанной аргументации. В основе теории Кропоткина — логическая проверка аргументов, гипотез и выводов, выстраивающихся в результате научных наблюдений, сбора, сопоставления и критической оценки доказательств, анализа и синтеза наличной информации, исторического опыта. Как ученый и мыслитель он стремился опираться в естественных и общественных науках на имеющиеся в его распоряжении научные данные, индуктивный метод, здравый смысл и рождающуюся на этой основе интуицию.

При этом Кропоткин в целом был значительно отстранен от повседневной практической работы анархического движения.

Индивидуальные, точечные протестные акции (хотя он и участвовал, особенно в молодости, в митингах, демонстрациях и даже иногда в потасовках с полицией при разгоне манифестаций) были не его стихией. Он предпочитал иметь дело с глобальной исторической практикой, обширной научной литературой и справочной информацией, опытом разных стран, времен и народов и спокойно их осмысливать в тиши кабинета.

Правопонимание Крпоткина и эволюция права

По своему подходу к правопониманию Крпоткин близок к естественно-правовой трактовке права. Ему чуждо легистское правопонимание, отождествлявшее право и законодательство, создаваемое государством. Для такого, чуждого ему правопонимания, источник права видится не в природе и обществе, а в государстве, назначение же права — не в обеспечении горизонтальной социальной саморегуляции и разумной гармоничной регуляции по вертикали, образуемой снизу вверх, а в единообразной универсальной управленческой регуляции преимущественно сверху вниз, признаваемой наиболее правильной и эффективной. Подобный подход для Крпоткина категорически не приемлем, как, кстати, не желателен и для многих леволиберальных правовых доктрин. Крпоткин — за предпочтительное использование более тонких механизмов регулирования человеческого поведения, обеспечивающих гибкий и дифференцированный учет интересов и возможностей личности, ее неотъемлемые права и свободы — такие хрупкие в мире, где действуют мощные сверхличностные силы различных юридических лиц и институтов.

Источником права Крпоткин признавал не государство, а природу, естественные закономерности мира, общество и человека. И здесь он выходил на фундаментальные основы нравственности и права, изучаемые и в современной философии права. По Крпоткину, без зачатков нравственности, развития соответствующих социальных инстинктов, наследуемых инстинктов нравственного характера существование многообразных сообществ животных было бы невозможно*. «Поэтому мы находим в обществе птиц и высших млекопитающих (не говорю

* См.: Крпоткин П. Справедливость и нравственность. Публичная лекция, прочитанная в Анкотском братстве и в Лондонском этическом обще-

уже о муравьях, осах и пчелах, стоящих по своему развитию во главе класса насекомых) первые зачатки нравственных понятий. Мы находим у них привычку жить обществами, ставшую для них необходимостью, и другую привычку: *не делать другим того, чего не желаешь, чтобы другие делали тебе*. Очень часто мы видим у них также и *самопожертвование* в интересах своего общества»*. Это направление научных исследований продолжает развиваться, углубляться и остается весьма перспективным. Современная наука изучает не только биосоциологические, но и психогенетические аспекты поведения животных, особенности моделей их поведения при мутациях, болезнях, в норме и т. д.**

Кропоткин констатировал также наличие «ряда обычаев и нравов, обуздывающих своеволие личности и устанавливающих начало равноправия» в первобытном обществе***.

Современная философия права признает, что право — не произвольно создаваемое явление, которое по своему усмотрению какой-то человек или политический институт (государство, партия, организация) может установить, внести, добавить в общественную жизнь или исключить из нее. Право — такой же естественный компонент жизни, самосохранения и самозащиты общества, как сознание, язык, культура, нравственность. Право — вечное и неистребимое явление в человеческом обществе. Корни его — глубоко в законах природы и разума. Наивно полагать, что возможно устранить его из жизни или что общество может существовать без него.

Однако право как регулятор нормальной общественной жизни, частных и общих интересов имеет несколько основных форм своего существования, играющих разную роль на различных этапах исторического развития: естественные основы права (в том числе космические), естественное право (естественные права человека), обычное право, договорное право, законодательство, прецедентное право, правовая доктрина и т. д. Многие формы права — вечные, они существуют в

стве // Кропоткин П. Анархия, ее философия, ее идеал: Сочинения. М., 1999. С. 138–139.

* Там же. С. 139.

** См., напр.: Александров А. А. Психогенетика. СПб., 2008.

*** См.: Кропоткин П. Справедливость и нравственность. С. 139.

разных исторических пластах как *специфические технологии регулирования общественных отношений* во все времена. При этом вырабатываемые и поддерживаемые нормы и механизмы регуляции в каждой из этих технологий воздействия на общественные отношения и сознание людей исторически меняются. Так, средневековое и современное неписаное обычное право разных народов, местностей, социальных групп, организаций и т. д. значительно отличаются по системе и содержанию норм, но примерно идентичны по принципам регулирования отношений, воздействию на них, по значительным элементам самоорганизации в технологиях создания, проверки, отбора, поддержки, защиты норм обычного права. При сохранении основных элементов *технологического механизма функционирования обычного права*, меняется содержание норм и особенности институтов, обеспечивающих это функционирование в конкретной исторической обстановке. Эволюционирующие модели обычного права соизмеряются и взаимодействуют с уровнем развития общества, общественного и индивидуального сознания, культуры, коммуникативной техники и т. д.

Кропоткин много внимания уделял обычному праву, рождавшемуся «творческим духом самих народных масс», а не законодателями. На фундаменте обычаев, по его мнению, сформировалась система мирных отношений, соединяющих усилия всех как индивидуумов, так и племен, а позднее сложилась основа внутригосударственного права и первые основания международного права*.

Обычное право рассматривалось им как изначально народная форма права, связанная с самоорганизацией народной жизни, основанная «на идеях справедливости среди людей, на реальных фактах». Законодательство государства (он называл его и государственным правом) в отличие от обычного права он считал основанным «либо на понятиях метафизических, либо на лжи, либо на толковании слов, созданных в Риме или Византии в период разложения для того, чтобы оправдать эксплуатацию и притеснение народных прав»**. Нельзя не заметить, что при всей часто справедливой критике законодательства Кро-

* См.: Там же. С. 244–245.

** Кропоткин П. Анархическая работа во время революции // Кропоткин П. Анархия, ее философия, ее идеал: Соч. С. 184.

поткин явно недооценивал новый уровень его эффективности в организации общественной жизни.

В целом среди форм права, выделенных и кратко охарактеризованных нами выше, Кропоткин особо выделял законодательство. Для анархического сознания законодательство — одна из главных мишеней критики в силу его значения в государственно-организованном обществе. Законодательство — унифицированная системная форма права, отражающая объективные импульсы-сигналы о потребностях правового регулирования, исходящие от общества и различных социальных групп, улавливаемые по разным каналам и формируемые социальными и политическими институтами, особенно государством и его органами, механизмами их связи с обществом, отдельными социальными группами. При выявлении сигналов и переработке информации, формулировании, оформлении, опосредовании социальных потребностей и интересов государственными органами, отдельными чиновниками и их группами возможны различные отклонения, неточности, связанные не только с закономерностями человеческого познания и его этапностью, несовершенством, противоречиями и т. д., но и вполне конкретными групповыми, индивидуальными, ведомственными, региональными интересами, вплетаемыми в ткань законодательства при создании законов и иных нормативных актов. В результате параллельно с решением назревших социальных вопросов происходят разнообразные отклонения, возникают диспропорции, накапливаются противоречия. Однако в силу достаточно жесткой формы законодательства, сложности процедур его изменения и дополнения эти противоречия могут сохраняться значительное время, даже после выявления определенных коллизий, неэффективности (до принятия нового законодательства по данным вопросам). Возможна актуализация и иных социальных интересов, претендующих на отражение в законодательстве независимо от его совершенства по другим критериям.

Кропоткин отмечал, что законодательство использовалось и как средство трансляции в будущее установленного ранее порядка, режима, в том числе угнетения, порабощения, эксплуатации. «Притеснение предыдущей эпохи, — замечал он, — всегда переносится посредством закона на последующие эпохи»*.

* Кропоткин П. А. Современная наука и анархия. С. 279.

Он рассматривал законодательство и как средство связывания общества в единое целое за счет распространения установленного в нем порядка не только в пространстве, но и во времени, подчеркивал, что «прошедшее» налагает «посредством закона свои цепи на будущее»*.

Исторический опыт показывает, что законодательство как форма права периодически оказывается нейтральным по отношению к его содержанию и может в пространстве и во времени транслировать как позитивное, так и негативное содержание и поддерживать, защищать его какое-то время соразмерно ресурсам и силе государства, отношению международного сообщества, терпению народа и т. д. Во второй половине XX — начале XXI в. на планете формируются новые международные механизмы, способные осуществлять определенный контроль за содержанием и реализацией национального законодательства. В то же время в этот процесс примешивается немало политических и идеологических моментов, экономических и политических интересов различных групп стран, по-своему окрашивающих этот контроль и использующих порой его результаты в своих целях. Однако во времена Кропоткина еще не существовало формирующихся сейчас новых международных механизмов регуляции и сдерживания поведения отдельных государств и их лидеров, и они не могли быть им учтены.

Несовершенство и негибкость законодательства как формы права, соединенность его при этом с принудительной силой государства дали основания для критики и отрицания законодательства в доктрине Кропоткина. Но целью его критики и отрицания было не право вообще, он не ставил бессмысленную задачу ликвидации права в принципе. Мишенью критики и отрицания было именно законодательство и стремление государства установить своеобразную государственную монополию на право, подминая под законодательство иные, более гибкие, вечные, не связанные по своей природе, происхождению с государством, менее формализованные и политизированные формы права.

Критике подвергается то, что в ходе истории государственная власть стремится постепенно, но максимально превратить право из формы преимущественно саморегуляции общества в

* Кропоткин П. А. Современная наука и анархия. С. 279.

средство государственного регулирования и управления, подчинения, в опору установленного порядка, стремится использовать его в интересах государства и доминирующих в нем групп. «Наука показывает нам, — писал П. А. Кропоткин о периоде превращения обычного права в законодательство, — что так называемые руководители, герои и законодатели человечества ничего не внесли в течение истории, кроме того, что было уже выработано в обществе обычным правом. Лучшие среди них только дали форму и санкцию этим учреждениям. Но очень многие из этих мнимых благодетелей человечества стремились все время либо уничтожить те из учреждений обычного права, которые мешали образованию личной власти, либо преобразовать их в своих личных интересах или в интересах своей касты»*. «Творческий гений безымянной народной толпы» для Кропоткина — главная сила, создатель и изобретатель важнейших форм общественной жизни, которые стали основой внутриродовых, межродовых, межплеменных, внутригородских и межгородских отношений, а также вошедших в международное право с древнейших времен до Средних веков — до возникновения централизованных государств**.

Кропоткин обращал внимание на два элемента в законодательстве. Первый элемент, по его мнению, «утверждал и закреплял обычные формы жизни, признанные всеми полезными», а второй, дополнительный — был «приставкой, часто даже простой, но хитрой манерой выразить словами существующий уже обычай; но эта приставка всегда имела целью насадить или укрепить зарождающуюся власть господина, воина, царька и священника, укрепить и освятить их власть, их авторитет»***.

Следует отметить, что заменить законодательством все иные формы права и теоретически, и практически невозможно. Поэтому всегда, во все времена продолжают существовать разнообразные формы права наряду с законодательством. Однако соотношение между формами права, их удельный вес в разные исторические периоды является переменной величиной. Государство объективно работает на укрепление прежде всего той развивающейся и максимально удобной для государствен-

* Кропоткин П. А. Современная наука и анархия. С. 277.

** См.: Там же. С. 279.

*** Там же.

ного управления формы права, как законодательство — вплоть до кодексов, охватывающих широкие сферы общественных отношений, а также собраний законодательства и сводов законов, объединяющих всю систему законодательства*. Современное законодательство связывает, цементирует всю правовую систему, санкционирует или включает в себя многочисленные элементы других форм права.

В условиях информационного общества и перехода к электронной форме права появляется новая возможность почти до предела довести скорость повсеместного распространения правовой информации, ее обновления, систематизации, а также постепенно вводить и расширять автоматизацию правового регулирования. Это — не просто изменение формы накопления и хранения правовой информации, одной из разновидностей которой является законодательство, но появление новой технологии правового регулирования общественных отношений, перспективы развития и последствия которой еще предстоит осмыслить**. Во всяком случае, впервые в истории намечается синтез технологий правового регулирования и правовой саморегуляции, что теснее связывает различные формы права и может придать новые качества правовому регулированию, в частности законодательству. Кроме того, развитие отмеченных выше международных механизмов контроля над национальным законодательством и практикой его реализации, национальной политикой и ее реальным воплощением также обеспечит в перспективе эволюцию законодательства как формы права и новые черты его взаимодействия с иными формами права, рост значения нового планетарного уровня правового регулирования. На этом уровне будет активно использоваться законодательство как форма права, но достаточно видоизмененная, связанная с иными пространственными и

* См.: Ударцев С. Ф. Правовая политика, систематизация законодательства и эволюция права // Право и политика. Международный научный журнал. 2011. № 5. С. 739—751.

** См.: Ударцев С. Ф. О некоторых тенденциях глобальной эволюции государства и права. Караганда, 2004; Он же. О некоторых явлениях и тенденциях мирового политического и правового развития / материалы Международной научно-теоретической конференции «Казахстан и мировое сообщество: проблемы истории, экономики, права» // Ученые записки Академии экономики и права. Алматы. 2005. № 1 (8). С. 15—25.

психобиотехническими возможностями воздействия на индивидуальное поведение, общественную жизнь, индивидуальное и общественное сознание.

Глубинные связи права и природы

Кропоткин рассматривал гармонию вселенной как результат бесконечного взаимодействия и равновесия множества влияний и воздействий на всех уровнях и прежде всего «как продукт сложения бесконечно малых» сил, движений, «слагающихся, заполняющих и уравнивающих друг друга»*. Социальный порядок — как частицу мирового порядка.

Как и Ш. Л. Монтескьё, П. А. Кропоткин признавал множество факторов, влияющих на социальную эволюцию, в том числе на сферу политики и права. По Кропоткину, это множество факторов включает разнообразные макро- и микровоздействия. Действие различных факторов осуществляется по разным направлениям. Извне на социальную систему действуют факторы, связанные с эволюцией структур и функций систем, в которые входит как элемент человеческое общество. Внутренние воздействия — результат взаимодействия внутренних элементов, частей, подсистем социальной системы. Это, так сказать, *организационные, структурно-функциональные взаимодействия, связанные со сложной внешней и внутренней организацией человеческого общества* как одного из элементов мирового устройства.

В доктрине Кропоткина присутствует также *эволюционная составляющая разнонаправленных воздействий*, влияющая на эволюцию состояний и процессов, предметов и явлений, связей между ними. В сфере права он усматривал глубинные связи и воздействия между явлениями микро- и макромира, цепочка которых может проходить через сознание и волю человека как промежуточные звенья передачи в разных направлениях бесконечных по своему разнообразию и взаимодействию импульсов, связей и влияний. Это может проявляться, например, в том, что человек совершает определенное действие внешне

* Кропоткин П. Анархия, ее философия, ее идеал // Кропоткин П. Анархия, ее философия, ее идеал: Соч. С. 206.

по своей воле, но в действительности оказывается обреченным на его совершение в силу того, что его действие или бездействие в любой момент оказывается результатом действия множества факторов (космических, наследственных, физических, химических, биологических, социальных и т. д.), их равнодействующей. Поэтому, считал Кропоткин, с научной точки зрения, распространенные, особенно официальные представления о причинах преступности не выдерживают критики. Они ориентированы на защиту существующего порядка и собственности, пресечение во что бы то ни стало действий или бездействий, посягающих на них, наказание за них, но не на выяснение глубинных причин этих действий или бездействий.

Известные германские теоретики права начала XX в. П. Эльцбахер, Р. Штаммлер отмечали нетождественность понятий права и законодательства в теории анархизма, в том числе у Кропоткина. Они обращали внимание на особенности выдвинутой анархизмом гибкой теории права, поддерживающей обычное и договорное (конвенциональное) право, взаимные соглашения, свободу договоров и договаривающихся*. Такое право всегда должно соответствовать воле договаривающихся сторон, быть гибким, подвижным, постоянно корректируемым. Кстати, формирование международного права в последние полтора-два столетия происходило довольно близко к этой модели конвенционального права. Однако и в международном праве по мере вызревания планетарных политических и правовых институтов постепенно накапливается все больше императивных норм, обязательных для субъектов международного права, формирующих модели должного поведения государств, международных организаций и иных участников международных договоров.

Глубинные, скрытые причины человеческого поведения, по Кропоткину, определяются не только результатами функционирования социальной системы и не есть лишь ее побочные результаты, но могут корениться в более отдаленных закономерностях существования и функционирования биологических,

* См., напр.: Эльцбахер П. Анархизм. С предисловием П. Кропоткина. Берлин, 1922. В другом переводе: Эльцбахер П. Сущность анархизма. Минск; М., 2001. См. также: Эльцбахер П. Анархизм. Суть анархизма / пер. с нем. Б. Яковенко. М., 2009.

физических, астрономических объектов, связях между ними и их с социальной системой. Эта научная гипотеза находит многообразное фрагментарное подтверждение, но в силу ее междисциплинарного и глобального космического характера требует иного уровня познания мира и человека. Признание и практическое использование данного подхода, если к нему удастся приблизиться на определенном уровне развития науки и техники, может изменить многое в понимании ответственности человека в этом мире и в методах коррекции поведения. Однако такой подход требует иных, более глубоких знаний о макро- и микромире, о воздействиях различных факторов и их причинно-следственных связях при влиянии на сознание людей, их волю и поведение.

Кропоткин подводит к мысли, что несовершенство существующих представлений о причинах преступности и связанной с ней теории наказания предопределяет склонность к признанию презумпции полной ответственности лица за все действия, совершенные им. Теоретик анархизма полагал, что границей и мерой ответственности человека должна быть также ответственность общества. Если само общество обрекает человека на определенную траекторию жизни, на конкретные модели поведения или если поведение явилось следствием длинной цепочки причинно-следственных связей, уходящей в прошлые действия иных людей или иные закономерности, предопределившие возникновение некоторых ситуаций, это следует учитывать при оценке вины и меры ответственности человека.

Однако и сегодня многое еще не познано, не измерено. Современные средства познания и век спустя не способны с высокой степенью точности проследить отдаленные социальные, природные и космические цепочки взаимодействий различных явлений и факторов, просчитать их величины, определить степень влияния применительно к конкретным случаям и людям.

Тем не менее идеи Кропоткина ориентируют на гуманное отношение к человеку, внимательное изучение всех обстоятельств дела, ближайших и более отдаленных, глубинных причин случившегося для принятия более точного и справедливого решения. На уровне философии права, познающей наиболее общие закономерности права, пределы свободы воли человека, меру его ответственности в обществе, такой подход возможен и необходим.

В современные представления о глубинных связях права и мира в целом вполне вписываются многие основополагающие

представления о взаимодействии человека, общества, природы, космоса, прослеживающиеся в учениях Г. Ф. В. Гегеля, И. Канта, и еще более ранние представления о естественном праве. В рукописи молодого М. А. Бакунина «Гамлет»* (1837) — точке пересечения философских и религиозных взглядов Бакунина с его восприятием идей Гегеля и образов Шекспира, также проводилась мысль о внутренней связи поведения человека и его результатов с вселенской гармонией. В результате этого, по Бакунину, к исправлению последствий поведения человека, его наказанию подключаются сложно структурированные и невидимые многоканальные механизмы разных уровней восстановления всемирной гармонии, нарушенной в результате преступления. В итоге их взаимодействия нарушенная гармония восстанавливается, возникшие противоречия устраняются, а энергия, масса, сила, власть и собственность — все, что необходимо, — перераспределяются во времени, пространстве, между людьми. В случае необходимости эти невидимые силы восстановления всемирной божественной гармонии наказывают и даже устраняют преступника, если это оказывается необходимым для восстановления равновесия в мире.

Данные идеи, выраженные в общей форме как представления о прямом и косвенном божественном возмездии, можно проследить уже в древнейших шумерских мифах, в Ветхом Завете и более поздних древних источниках**.

Кропоткин также в своих суждениях о праве приближается к осмыслению глубинных идей о природе права и его естественных основах. Это прослеживается в его суждениях о происхождении права, его природе, о естественных нормах, присутствующих в различных сообществах живых существ, в суждениях о разнообразии причин преступности и сложности определения вины человека, об установлении соотношения взаимной ответственности человека и общества.

В целом можно сделать вывод, что в учении Кропоткина содержатся некоторые естественнонаучные вариации под-

* Ударцев С. Ф. Рукопись М. А. Бакунина «Гамлет» / авт. ст. и публ. // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология: Ежегодник (1984). Ленинград, 1986. С. 55–63.

** См., напр.: Ударцев С. Ф. История политических и правовых учений. Древний Восток: Академический курс. СПб., 2007. См. раздел о Ветхом Завете.

ходов и идей, которые развивались в прошлом и продолжают присутствовать в современных концепциях философии естественного права.

В середине и второй половине XX в. связь основ права с миропорядком и отдаленными космическими влияниями глубоко осмыслил австрийский теоретик права Рене Марчич. Он рассматривал космическую онтологию права, тотальную иерархическую правовую систему, влияния разной степени и силы на право и приходил к выводу о связях права, его норм через различные опосредующие звенья с отдаленными космическими незначительными воздействиями. Идеи Марчича представляют значительный интерес для понимания места и роли феномена права в системе миропорядка. Как отмечает Г. В. Мальцев, философия правовой онтологии Р. Марчича – «сложная юридическая теория, пафос которой отвечает духу идейных поисков XX столетия, сопоставим в какой-то мере с “панюризмом” Г. Кельзена...»*. В то же время в философии права Р. Марчича можно заметить углубленные и продвинутые разработки в том же направлении, в котором ранее происходило более фрагментарное осмысление некоторых общих проблем естественного права. Идеи о глобальных онтологических связях права прослеживаются также в работах М. А. Бакунина (в более философско-правовой гегельянской интерпретации) и П. А. Кропоткина (в естественно-научной и позитивистской философской интерпретации).

Правовой фактор в возникновении государства, приоритет права

В доктрине Кропоткина не государство создает право, а в числе многих других факторов возникновение государства определяется функционированием судебной власти и права, имеющих, по Кропоткину, догосударственную природу и естественно присущих любому человеческому обществу на всех стадиях его развития. При этом возможны разные формы общественной су-

* См.: Мальцев Г. В. Понимание права. Подходы и проблемы. М., 1999. С. 118. См. также: Marcic R. Mensch. Recht. Kosmos. Drei Gedankenwege ins Dasein. Bd. I. Wien; Köln; Stuttgart; Zürich, 1965.

дебной власти как института разрешения споров и конфликтов и одного из элементов общественной самоорганизации.

Кропоткин признавал, что когда возникающие привилегированные группы начинают продвигать организацию общества к государственной, то происходит трансформация и судебной власти. Действительно, в истории государственная организация начинает адаптировать гибкие и разнообразные общественные формы суда (как правило, третейского) в государственную систему, создается более формализованный, универсальный и процессуально жестко нормированный государственный суд. Выстраивается его иерархия, которая, кроме исправления ошибок нижестоящих судов, имеет определенное значение и для соответствия формирующейся государственной судебной власти бюрократической иерархии государственной власти в целом. Вышестоящие суды, кроме всего прочего, решают задачи по реализации государственных интересов соответствующих уровней, а в некоторых странах — отчасти и интересов бюрократии вышестоящего иерархического уровня. В этом смысле изменение решений нижестоящих государственных судов вышестоящими имеет сложносоставные причины. Было бы весьма наивным признавать только то, что в метаморфозах судебных решений по одному и тому же делу по мере продвижения его вверх по бюрократической судебной иерархии отражается лишь поиск более справедливого решения. Этот поиск действительно ведется, но с включением в него все новых и новых уровней социальных, политических и иных интересов, в том числе корпоративных и групповых интересов и субъективного видения ситуации судьями различных ступеней судебной иерархии, а не только конкретных интересов первоначально обратившихся в суд субъектов.

Размышляя о сложных механизмах реализации социальных интересов и гармонизации отношений в обществе с помощью судебной власти, Кропоткин приходит к фундаментальному выводу *о первичности суда как общественного явления по отношению к государству*. Трансформация судебной власти — один из аспектов формирования системы государственной власти, ее опорных звеньев. Эта идея, кстати, прослеживалась уже в книгах Моисея в Ветхом Завете.

Другой важный момент, присутствующий во взглядах Кропоткина на происхождение государства и его соотношение с правом, как уже отмечено, заключается в том, что право он рассматривает как социальное явление, предшествующее появлению государства.

Догосударственные формы права — естественное, договорное, обычное — существуют в истории длительное время параллельно с общественными формами власти как формами социальной самоорганизации различных уровней. При возникновении государства происходит интеграция в зону государственных интересов части выработанного обществом права, предназначенного для гармонизации общественных интересов и отношений. При этом в форме и содержании права появляются новые элементы. Право становится более точно выраженным и соединенным с новыми технологиями распространения информации, которые государство старается монополизировать или по крайней мере контролировать. С развитием законодательства возникают такие новые качества права, как его большая унифицированность, точность, системная иерархичность, обеспеченность силой государства, и в итоге повышается эффективность реализации его норм. Это способствует повышению эффективности деятельности общественных институтов, сплочению общества как целого при всей его внутренней дифференциации и противоречивости, сокращению затрат общественных сил на принятие и реализацию определенных решений. Как более эффективная форма регулирования общественных отношений и новая технология организации общественной жизни законодательство постепенно завоевывает все большее пространство в сфере права. В то же время в праве через законодательство появляются дополнительные содержательные вкрапления, вплетения, постепенно вырастающие в его системное свойство, а именно — отражение и закрепление интересов экономически и политически господствующих классов, каст, сословий, доминирующих социальных групп.

Кропоткин в своих рассуждениях фиксирует соотношение права и законодательства как его формы, прослеживает некоторые черты процесса трансформации догосударственного права в его государственную форму. Современные исследования, несмотря на разные подходы, все глубже познающие природу власти и права, подтверждают длительный исторический период существования догосударственных форм права и власти, а также длительную подготовку институциональных и нормативных условий для возникновения государственных форм*.

* См., напр.: Нерсесянц В. С. Общая теория права и государства. М., 1999; Мальцев Г. В. Пять лекций о происхождении и ранних формах права

В ходе становления государственно-организованного общества происходит определенная трансформация форм власти и права. Кропоткин меньше внимания уделил изучению проблем общественной власти и самоорганизации в догосударственный период. Он специально не углублялся в эту проблематику, но фиксировал определенную связь догосударственных форм права с процессом возникновения государства. Само государство в его теории имеет более узкий смысл. Государство для него — лишь централизованное государство, а возникновение государства рассматривается как циклическое появление в истории централизованных государств в качестве последней фазы эволюции исторических цивилизаций перед их гибелью. Политические формы раннего Средневековья он был склонен не считать государствами. Такая сравнительно мягкая трактовка понятия государства в истории и готовность не критиковать определенные его формы симметрична в его доктрине относительно позитивному восприятию более либеральных и демократических государственных форм в современном и будущем обществе.

Еще один важный момент в доктрине Кропоткина, на который следует особо обратить внимание, — его идея о влиянии сознания на исторический процесс в целом и процесс трансформации форм власти и права в истории человеческого общества. Кропоткин обращался также к филологическим исследованиям по сравнительному языкознанию, использовал свои энциклопедические познания, чтобы выявить общие черты в природе и смысле суда и права разных народов.

Возможно, Кропоткин недостаточно полно воспринимал повышение эффективности правового регулирования при возникновении законодательства как государственной формы права. Но он ясно видел многие новые противоречивые свойства этой исторической формы права, связанные с защитой социально-иерархических аспектов, государственным принуждением, стремлением социально-группового контроля к дозированию отражения в законодательстве общесоциальных интересов, тем не менее имеющих фундаментальное значение в природе права в целом и т. д.

и государства. М., 2000; Он же. Развитие права: к единению с разумом и наукой. М., 2005; Поляков А. В., Тимошина Е. В. Общая теория права. СПб., 2005; Марченко М. Н. Проблемы теории государства и права. М., 2006; Мальцев Г. В. Социальные основания права. М., 2007.

Права человека

Кропоткин признавал, что в человеческом обществе существуют естественные права человека, определяемые природой общества и человека. Главные из них являются неотъемлемыми атрибутами жизнедеятельности человека, общества и человечества во все времена. Кропоткин называл их «священнейшими правами»*.

Эти права не создаются никем и не могут быть отменены. Они проникают, несмотря на все преграды, и реализуются системой незаметных биологических и социальных отношений и воздействий, а также естественным порядком и закономерностями. Кроме того, со временем права человека входят в состав легального правового регулирования, находят отражение в законодательстве государства, а национальные и международные организации подключаются к их поддержке и защите. В то же время Кропоткин подмечал, что даже в сфере, в которой государство обязано действовать как защитник естественных прав в силу их неизбежного и необходимого существования, оно пытается что-то выиграть для себя и своих хозяев. Он признавал, что государство политизирует права человека, стремится дифференцированно подходить к их защите в зависимости от субъектов, которых они касаются, от того, как те или иные ситуации связаны с интересами государства.

Мыслитель рассматривал в качестве примера отношение к правам человека в различных случаях и делал вывод, что государство постоянно их нарушает, прикрываясь угрозой какой-нибудь безопасности. Для одних — «ненарушимость святыни домашнего очага» (для высшего и среднего социального слоя), для других (особенно рабочих) — составление списков опасных лиц, слежка, обыски, аресты. То же в отношении тайны переписки. Если на почте вскрыют чужое письмо из личного интереса или корысти — виновного накажут. Маленькие тайны защищаются государством. «Но зато, если до нас дойдет слух о каком-нибудь заговоре против наших привилегий, — пишет Кропоткин о государстве, — тогда не взыщите. Все письма будем вскрывать, назначим на это тысячи чиновников, если нуж-

* См., напр.: Кропоткин П. А. Право, мораль, политика // Кропоткин П. А. Этика. М., 1991. С. 396.

но, и если кто-нибудь вздумает жаловаться, мы ответим прямо, цинично, как недавно ответил один английский министр на запрос ирландского депутата: «Да, господа, с болью в сердце я должен признать, что мы вскрываем ваши письма. Но мы делаем это исключительно потому, что государство (т. е. дворянство и буржуазия) в опасности»^{*}. То же, считает Крпоткин, происходит с политическими правами свободы печати, собраний (сходов) и т. д. «В тот же день, когда народ начинает пользоваться ими, чтобы подрывать привилегии правящих классов, — все эти так называемые права выкидываются за борт, как ненужный балласт»^{**}. Организованная сила народных масс, единодушие их «грозной армии», «объединенной одним желанием — приобрести и защитить свои права», по Крпоткину, является лучшей их гарантией, чем просьбы обеспечить их «у какого бы ни было конституционного правительства». «...Тогда они будут принадлежать нам вернее, чем если бы их гарантировали писанные законы. Прав не дают, их берут»^{***}.

Критика Крпоткиным положения с правами человека, как и критические идеи об этом М. Штирнера, М. А. Бакунина и особенно — исторические и теоретические работы А. А. Борового о правах человека и их историческом развитии, как и идеи многих других мыслителей и юристов на фоне практики тоталитарных государств XX в., способствовали сдвигу общественного мнения и продвижению к Всеобщей декларации прав человека, принятой ООН после Второй мировой войны.

В современном обществе формируется сложная система обеспечения прав и свобод человека национальными и международными органами (дипломатическими, гуманитарными, экономическими, судебными, военными и т. д.) и немало сделано в этом направлении. Но в этой сфере существует масса проблем на международном уровне и на уровне конкретных государств, иные из которых часто и грубо попирают права и свободы человека, порой осуществляют или косвенно поощряют геноцид целых народов, не говоря уже о подавлении инакомыслящих. Многие мысли, высказанные Крпоткиным век назад, остаются актуальными и в XXI в.

* Крпоткин П. А. Право, мораль, политика // Крпоткин П. А. Этика. М., 1991. С. 391.

** Там же. См. также: Крпоткин П. Речи бунтовщика // Крпоткин П. А. Анхрия, ее философия, ее идеал: Соч. С. 30.

*** Крпоткин П. Политические права // Там же. С. 703.

Особое внимание Петр Алексеевич уделил праву человека на жизнь. На современном этапе, в условиях расшифровки генома живых существ, в том числе и человека, массовых исследований и опытов по клонированию живых существ и выращиванию органов человека и животных, опытов со стволовыми клетками, продвижения в искусственной поддержке зарождения и развития жизни, начала работ по созданию и внедрению технологий и механизмов воздействия на органы, функции и состояние организма человека на наноуровне и т. д., возникает масса новых аспектов права на жизнь, нуждающихся в осмыслении и адекватном правовом регулировании. П. А. Кропоткин в своих работах затрагивал в основном вопрос о смертной казни. Он убедительно критиковал ее как несовершенное и антигуманное варварское наказание, предельную месть государства в чистом виде, как злоупотребление со стороны государства правом, которое ему не принадлежит, как отказ от исправления человека и попытку переложить ответственность общества на отдельного человека. Кропоткин отвергал смертную казнь как меру наказания, при которой, если наказание исполнено, невозможно исправить выявившуюся позднее следственную или судебную ошибку, как наказание, поддерживающее жестокость, месть и транслирующее их в будущее, негативно воздействующее на родственников и знакомых казненного, нравственно развращающее общество и т. д. Свои идеи по этому поводу он высказал, в частности, в статье в сборнике «Против смертной казни», в котором приняли участие известные ученые (в том числе юристы), писатели, общественные деятели разных стран начала XX в.*

В то же время Кропоткин сталкивался с такой проблемой, как неизбежность гибели людей в ходе революции как насильственного переворота старого порядка, поддерживаемого и защищаемого силой и принуждением вопреки назревшим преобразованиям. Об этом свидетельствовал исторический опыт всех революций. Для него как гуманиста это был непростой вопрос. В молодости Кропоткин его достаточно легко решал в пользу

* См.: Против смертной казни. Сборник статей под ред. М. Н. Гернета, О. Б. Гольдовского и И. Н. Сахарова.. 2-е изд, доп. М., 1907. Статья П. А. Кропоткина «Наказание смертной казнью» на с. 126–129. См. также кн.: Смертная казнь: за и против. Составители: О. Ф. Шишов, Т. С. Парфенов. Под ред. С. Г. Келиной. М., 1989. На с. 219–221 — статья П. А. Кропоткина «Наказание смертной казнью».

неизбежности таких жертв и в целом был склонен к оправданию действий революционеров. Позже опыт и размышления над разными революциями, их последствиями, гражданскими войнами и революционными диктатурами привели его к иным мыслям. Он выступил с критикой революционного террора и захвата заложников большевиками, осудил репрессии революционной власти как бессмысленные и настраивающие против нее население. Как мыслитель-гуманист, тем самым он выступил с опережающей критикой кровавого террора эпохи сталинизма.

С тех пор многое изменилось в мире. Значительное количество стран отменили смертную казнь или ввели мораторий на ее исполнение. В тех странах, где она сохранилась, как правило, сократились основания для ее применения в мирное время. Но споры продолжаются. Порой совершаются страшные преступления, заставляющие общество усомниться в соразмерности назначаемого за них наказания. Общественное мнение во многих странах по-прежнему склонно поддерживать и оправдывать крайнюю меру наказания за умышленное убийство (в том числе двух и более лиц), иные наиболее тяжкие преступления против личности, за коррупционные преступления и т. д. Очевидно, для продвижения в этом вопросе требуется комплексное решение социально-экономических, воспитательных, культурных, медицинских, технических, политических и правовых вопросов. Однако, как показывает опыт прошедшего века, гуманистические идеи Кропоткина и других мыслителей-гуманистов начала XX в. в целом соответствовали главным стратегическим тенденциям развития права и человеческой цивилизации в направлении постепенной гуманизации права и деятельности государства, а также выработке и укреплению механизмов защиты прав и свобод человека. Эти идеи стали определенным ориентиром для последующей, хотя и медленной, эволюции законодательства и общественного правосознания в странах мира.

П. А. Кропоткин основательно и справедливо критиковал уголовно-исполнительную систему государств, называл тюрьмы «университетом преступности»*. Критике системы уголовного наказания он посвятил работы «Записки революционера», «В русских и французских тюрьмах», «Тюрьмы», «Узаконен-

* См., напр.: Кропоткин П. А. Наказание смертной казнью // Смертная казнь: за и против. С. 220.

ная месть, именуемая правосудием» и др. Кропоткин обращал внимание на то, что уголовно-исполнительная система не исправляет, а озлобляет людей, еще более отшлифовывает их преступные навыки, развивает антиобщественные наклонности, отучает от систематического и созидательного труда. За прошедшее столетие уголовно-исполнительные системы стран мира претерпели значительные изменения, порой существенно отличаются друг от друга по правовому режиму, соблюдению прав человека, тем не менее они несут на себе значительный отпечаток тех прежних тюремных учреждений России, Франции, стран Америки, которые революционер критиковал в своих работах. В местах заключения ряда стран все еще практикуются пытки, хотя они запрещены международно-правовыми документами. Кроме того, в прессу порой проникает информация, что некоторые страны, в обход международно-правовых договоров против пыток (например, США), передают заключенных для допросов или временного содержания в страны или на территории, на которые не распространяются эти соглашения. Таким образом, уголовно-исполнительная система остается одной из проблемных зон обеспечения прав человека.

Критика демократии и признание ее как минимального зла

После казни в демократических Афинах Сократа в политической мысли (начиная с Платона и Аристотеля) сформировалась традиция критического отношения к демократии как к форме государства. Учитывая, что в демократии за счет приоритета воли большинства растворяется и нейтрализуется как все лучшее, так и все худшее, Аристотель называл ее лучшей среди худших государственных форм и худшей среди лучших. В XX в. У. Черчилль заметил, что демократия — наихудшая государственная форма, но лучше нее человечество ничего не придумало.

В анархической мысли критика демократии получила максимальное развитие. В статьях, книгах и речах М. А. Бакунина эта критика достигла кульминации. В работах Кропоткина разноаспектная критика демократии продолжена, во многом повторена и развита применительно к парламентаризму, всеобщему избирательному праву, системе представительного

правления, участию граждан в деятельности государства, отношению государственных органов к населению и т. д. Он называл выборы в США, Франции, Швейцарии, Англии «одной и той же печальной комедией». Писал об «одинаково лживых» программах кандидатов, «будь они оппортунистические или социал-революционные», о раздаче кандидатами и их агентами в период предвыборной кампании обещаний «направо и налево», «льстивых и лживых слов», о значительных «расходах по выборам», о «правительственном вмешательстве в выборы»*. Кандидатов в депутаты и их агентов он назвал «двумя или тремя тысячами проходимцев», которые оспаривают друг у друга «царские права» издавать законы по всем вопросам, имеющим значение для людей**. По Кропоткину, победитель на выборах — это, как правило, «ничтожество, человек без убеждений, сумевший понравиться всем»***. Он считал, что «порядочный человек, отвечающий известным требованиям честности и здравого смысла, с некоторым образованием» не будет избран депутатом****, так как он не станет пользоваться приемами и технологиями искусственного привлечения к себе внимания и сбора голосов избирателей.

Избирательная система в условиях государственно организованного общества, по Кропоткину, имеет недостатки, неустраняемые никакими реформами. В лучшем случае она может быть менее несправедливой. «Меняйте избирательную систему, сколько хотите, — писал он, — заменяйте избрание по округам избранием по спискам, устраивайте двухстепенные выборы, как в Швейцарии (я имею в виду предварительные собрания), вносите какие хотите перемены, обставляйте выборы какими хотите условиями равенства, кроите и перекраивайте избирательные коллегии — внутренние недостатки системы все равно останутся»****. Кропоткин замечал, что, сколько бы голосов ни получил депутат, это не прибавляет ему компетенции и не освобождает от ошибок. «Подумайте минуту, — писал он, — и вы сами увидите, какую невозможную задачу вы перед ним ста-

* Кропоткин П. А. Право, мораль, политика // Кропоткин П. А. Этика. М., 1991. С. 394–395.

** См.: Там же. С. 395.

*** См.: Там же. С. 397.

**** См.: Там же. С. 396.

***** См.: Там же.

вите. Ваш представитель должен иметь определенное мнение и голосовать по целому ряду бесконечно разнообразных вопросов, возникающих в громадной государственной машине»^{*}.

Надо сказать, что позднее, на различных этапах Российской революции начала XX в. Кропоткин был также критичен, но более терпим по отношению к новым представительным революционным органам власти (советам), в которые входили и некоторые анархисты.

В целом П. А. Кропоткин как бы синтезирует радикальную критику демократии М. А. Бакунина с более осторожным отношением к демократическим институтам и процессам П. Ж. Прудона, а также с умеренной критикой либерально-демократических теоретиков. Это давало ему право в ответственных исторических ситуациях, например на Государственном Совещании, созванном в августе 1917 г. правительством А. Ф. Керенского, высказывать радикальные, но вполне *обоснованные и практичные* суждения по формированию президентской федеративной республики как более прогрессивной и желательной формы государства. Кропоткин признавал, что, несмотря на множество неисправимых недостатков, несовершенств демократии, ее утверждение вместо режима феодальных и полуфеодальных деспотических государств в истории в целом, и в определенных политических ситуациях в разных странах — шаг вперед, прогресс по сравнению с абсолютной монархией, произволом диктатуры. Он понимал, что утверждение демократических ценностей в политической культуре и сознании, закрепление ее начал в законодательстве и соблюдение на практике — плюс для последующего политического развития и укрепления свободы личности. Поэтому, подвергая жесткой критике несовершенство и некомпетентность демократии, деидеализируя ее, Кропоткин не отрицал ее, а, наоборот, был сторонником укрепления демократических основ общества и утверждения демократического государства в России как переходной ступени его развития в глобальной исторической эволюции. Демократические формы в его концепции — меньшее зло среди других государственных форм.

Современные исследования демократии как формы и характеристики государства, политического режима подчеркивают

^{*} Там же. С. 397.

ее неоднозначность. Исследователи приходят к выводу о политической нейтральности демократических форм. При этом признается, что демократия в соединении с рядом других элементов: демократических и правовых концепций, институтов, выработанных моделей и механизмов разделения ветвей государственной власти и ее сдерживания — при их реализации способна давать более позитивные и эффективные долговременные результаты по сравнению с другими государственными формами. В отличие от демократических форм недемократические, особенно тоталитарные формы организации государства, могут дать лишь кратковременный эффект концентрации социальных сил, повышения их напряжения для решения задач выживания общества и мобилизации сил и ресурсов в краткосрочной перспективе, обычно в чрезвычайных исторических ситуациях, как правило, связанных с большими кризисами, войнами и революциями.

В современных исследованиях динамики процессов демократизации и дедемократизации в мире по многочисленным критериям, апробированным в ходе многолетних исследований, отмечаются противоречивые общие и особенные (региональные и национальные) тенденции*. Для общемирового развития последних десятилетий характерен рост степени и масштабов демократизации политической жизни разных стран с периодическими замедлениями и временными откатами в развитии процессов демократизации в странах планеты, но с последующим дальнейшим, хотя и противоречивым, развитием демократизации. Что касается соотношения демократизации и дедемократизации в отдельных странах, достигающих определенного уровня в развитии демократизации политической жизни, то здесь отмечается, в частности, следующее. Динамика соотношения процессов демократизации и дедемократизации в таких случаях связана с рядом иных факторов — соотношением сил, задачами, решаемыми на тех или иных этапах эволюции общества и государства. Соотношение эффективности, силы и демократичности государства характеризуется достаточно переменными величинами, изменчивыми пропорциями и удельным весом этих параметров. Часто рост силы государства связан

* См., напр.: Тилли Ч. Демократия. М., 2007; Чихарев И. А. Масштабы и ритмы демократизации // Полис. Политические исследования. 2009. № 3.

с ростом демократичности, порой непосредственно подпитывается ею. Но в иных ситуациях усиление государственного вмешательства в общественную жизнь и потенциальный рост его силы, военной, полицейской и иной силовой составляющей, может вести к сокращению демократичности государства. Эффективность и результативность деятельности государства в разных исторических ситуациях зависит от сочетания, пропорций демократизации и дедемократизации в его организации с учетом воздействия иных факторов. Таким образом, на всех исторических этапах имеются определенные резервы для развития демократии, но степень ее эффективности может быть различной.

Еще в начале 1920-х гг. видный теоретик постклассического анархизма А. Л. Гордин, размышляя об эволюции форм организации власти, демократии, прежней представительной системы и парламентаризма, высказал мысли о возможной их трансформации в будущем в связи с появлением новых технических средств связи, голосования и обработки информации. Гордин полагал, что по мере технического и информационного развития человечества произойдет переход к иной системе власти, когда решения будут принимать не малокомпетентные депутаты, а группы квалифицированных экспертов и специалистов по различным обсуждаемым вопросам. По его мнению, гибкая и дифференцированная система больших и маленьких, местных и общих референдумов через технические средства связи, в том числе среди более узких специалистов по решаемым вопросам, заменит несовершенные формы универсальной представительной демократии, повысит специальную компетентность принимаемых решений. Однако проблема не только в подправке механизма принятия решения, но и в качестве подготавливаемого проекта, в широком межотраслевом согласовании, в поиске общего компромисса. Очевидно, развитие демократических форм пойдет по пути создания системы многовариантной комбинации различных более эффективных технологий подготовки и принятия решений, систематизации, анализа, проверки, хранения и распространения информации.

В настоящее время, в эпоху информационной революции, человеческая цивилизация еще ближе подошла к новому этапу эволюции форм власти, модификации технологии принятия общественно значимых решений. Во всех странах реализуются программы электронного правительства, автоматизируют-

ся сотни государственных услуг населению. Это снимает ряд прежних противоречий государственного управления, но может и создать некоторое дополнительное отчуждение от власти, еще более отгороженной от общества новой технической инфраструктурой, по крайней мере в период ее первоначального интенсивного развития. Здесь, правда, можно прогнозировать достаточно длительное эволюционное развитие, постепенное углубление проникновения информационных технологий в государственное управление.

Внедрение в социальную и политическую жизнь новых информационных технологий, взламывающих многие ранее существовавшие запреты и ограничения, постепенно сокращающих ранее закрытые зоны в государственном управлении и участие человека в технико-управленческой сфере, также активизирует процессы демократизации, укрепляет их информационную составляющую. Процессы глобализации распространяют актуализацию проблем демократизации и дедемократизации на планетарный уровень, формируют новые международные и смешанные механизмы мониторинга и контроля. Можно предполагать, что развитие демократизации может быть одним из позитивных моментов развития политической глобализации и одним из оснований поддержки процессов глобализации широкими слоями общества, по крайней мере на первых этапах формирования глобальной мировой политической системы.

В целом в современном мире процессы демократизации играют важную роль в эволюции государственных форм на национальном, макрорегиональном и планетарном уровнях. В этих условиях частично снимаются, но в основном сохраняются прежние недостатки демократической формы организации государства. Некоторые плюсы и минусы демократических форм умножаются в процессе достройки новых уровней глобального планетарного управления и правового регулирования. Мир становится еще более противоречивым с учетом масштабов распространения этих «плюсов» и «минусов» демократии, ранее замкнутых в национальных границах, а теперь выходящих в транснациональное пространство и наслаивающихся друг на друга. «Притирка», «подгонка» новых политических форм и институтов на глобальной политической арене требует новых механизмов разрешения противоречий, их снятия и гармонизации отношений, а также определенного времени и нового опыта. В то же время жизнь не останавливается, идет вперед,

преодолевая прежние границы, пробиваясь через возникающие нагромождения отживших форм и институтов, рождая в народной и международной практике и в сознании интеллектуальных лидеров новые формы жизни человечества, открывая новые горизонты.

В этом смысле и критика Кропоткиным демократии и признание ее относительной ценности остаются актуальными как теоретические наработки, учитывающие длительный исторический опыт и отражающие противоречивую природу этого явления.

Доктрина Кропоткина и некоторые иные аспекты глобализации

Как выдающийся ученый и популяризатор географии, Кропоткин в своих работах охватывал мыслью значительные пространства планеты. Его многочисленные статьи в Британской энциклопедии открывали читателям неизвестные уголки планеты, особенно на бескрайних просторах России, Казахстана. Как историк, он погружался в иную пространственно-временную среду, переносил читателя в другие времена, делая свидетелем исторических событий. Как исследователь социальных явлений, он прослеживал их связи с закономерностями естественного мира. Более того, он обращал внимание на космические явления — на астрономические структуры и небесные тела, проводя параллели в закономерностях между различными явлениями и процессами разных сфер и уровней устройства мира. Все это свидетельствует о том, что глобальность и синтетический характер мышления, широкий охват явлений во времени и пространстве — неотъемлемые черты его доктрины, подхода.

Можно, конечно, сказать, что непосредственно о планетарных социальных процессах Кропоткин мало что писал. Тем не менее он был в определенной мере близок анархизму-универсализму с его планетарными концепциями, по крайней мере как мыслитель, вплотную приблизившийся к осмыслению в анархическом сознании новой ступени эволюции человечества.

В 1920-х гг. идеи планетарной ступени развития экономических и политических форм получили значительное развитие в теориях анархизма-универсализма и анархизма-интериндивидуализма А. Л. Гордина, а также в работах

анархистов-биокосмистов. В конце XX в. глобальные проблемы человечества нашли интересное осмысление в выдающихся трудах В. В. Налимова. Однако в научной литературе еще только начинается исследование этих этапов предчувствия и осознания процессов планетарной и космической глобализации в теории анархизма.

Доктрина Кропоткина и постклассический анархизм

П. А. Кропоткин, как уже отмечалось, завершает эволюцию классического анархизма, выдающимися представителями которого в XVIII–XIX вв. также были У. Годвин в Великобритании, М. Штирнер (К. Шмидт) в Германии, П. Ж. Прудон во Франции, М. А. Бакунин в России и Европе. Кропоткин расширил связи теории анархизма с естественными науками. Он заложил фундамент эволюционного моста между классическим и постклассическим анархизмом XX–XXI вв. За счет расширения научной и нравственной основы анархизма ему удалось подготовить площадку для старта новых теорий анархизма как ответов этого типа общественного политического сознания на вызовы новой эпохи.

Широкие и, главное, открытые новому научные воззрения и труды Кропоткина оказались весьма продуктивными для накопления и переработки массива новой информации, для интеграции в доктрину анархизма новейших научных достижений, идей, концепций, для согласования релятивистских основ анархизма с современной наукой. Этим вопросам, как известно, было посвящено одно из основных произведений П. А. Кропоткина «Современная наука и анархия».

Кропоткин не мог заглянуть дальше своего времени по ряду вопросов. Гадание на кофейной гуще и создание гипотетических моделей и прогнозов были не его стилем работы. Он стремился стоять на научной почве в своих теоретических исследованиях и в научно-популярных работах. Поэтому, возможно, Кропоткин в ряде вопросов ограничивал свои размышления, учитывая достоверность наличного материала, научные и технические достижения своего времени.

Классический анархизм конца XVIII – начала XX в. пережил активные периоды подъема в годы революций в европейских странах, особенно во время российской революции начала

XX в. Однако грандиозная революция породила и глубокие разочарования, кризис в анархическом сознании. Это было связано со ставшей еще более очевидной утопичностью ожиданий и надежд на формирование самоорганизующегося безгосударственного строя в ходе и вскоре после революции.

Анархизм XX — начала XXI в. был поставлен перед необходимостью критического переосмысления опыта классического анархизма, идейных основ анархизма, его ревизии. Анархисты столкнулись также с необходимостью дать ответы на вопросы, связанные с теорией и практикой тоталитарных государств XX в. с их репрессивной системой, разрушительными мировыми войнами, с процессами глобализации. Предстояло ответить на новые вопросы о гуманизации права и защите прав человека, об ограниченности и расширении возможностей человека в ряде областей сознания и культуры, объяснить обозначившиеся ориентиры приближения космической эры в истории человечества, а позже — революцию в информационных технологиях, в биологии и медицине, значение создания виртуальной реальности, освоения нанотехнологий. Ответы на эти вопросы в основном искали уже другие теоретики, следующего — постклассического — периода эволюции теории анархизма (начиная с первой трети XX в., особенно с конца 1960-х гг.).

Постклассический анархизм как анархизм иной эпохи развился в то время, когда открылись ранее скрытые, неизвестные в истории свойства, формы, масштабы силы государства. Появились и начали свою эволюцию социалистические и фашистские государства, позже претерпевшие трансформацию в иные государственные образования. Происходила общая модернизация государственности, связанная с иными технико-экономическими и информационно-технологическими ступенями развития общества, скорректированными социальными и юридическими формами общественных отношений и институтов. Транснациональные корпорации вышли из-под контроля отдельных государств и активизировали строительство мировой экономики с планетарным пространством размещения производства, глобальным рынком и потреблением товаров, производимых и собираемых во всем мире. То, что раньше прокладывало себе путь в виде экономических ручейков, рек и озер, соединилось в океан и охватило всю планету.

Овладение новыми видами энергии, ранее недостижимыми скоростями движения, освоение новых транспортных техноло-

гий и видов связи перевернуло прежние представления о свободе передвижения, границах и свободном пространстве. В будущем дальнейшее переосмысление проблем свободы может быть связано с практическим освоением космоса и постижением человечеством своего места в космическом разуме и системе космических межцивилизационных отношений.

Во второй половине XX в. впервые были осознаны глобальные проблемы экологии, опасности, таящиеся в созданном оружии массового поражения и в разработке следующих его поколений и видов. Развитие генной инженерии, создание модифицированных видов растений и животных, подступы к клонированию человека и выращиванию его органов, развитие робототехники и т. д. — все это открыло перед человеком и человечеством новые перспективы развития, приспособления к разным условиям космоса, продления жизни, но и создало новые опасности.

Освоение космоса стало новой тотальной революцией в технике, технологиях, сознании, образовании, науке и культуре. Впервые в обозримой и достоверно известной человечеству истории практически формируется и «становится на крыло» на планете и в солнечной системе новая космическая цивилизация. Все эти и сопутствующие им перевороты и потрясения в сознании, в различных сферах жизни человечества потребовали от постклассического анархизма дальнейшего переосмысления его основ, сопоставления их с наступившей и грядущей эпохами*.

Посклассический анархизм, появившийся на базе классического анархизма как новый крупный феномен в анархическом сознании, объединил целый ряд видоизменившихся прежних течений анархизма (обновленного классического анархизма, неонархизма) и ряд новых течений, которые впервые возникают в постклассическом анархизме (неклассический анархизм)** . Течения неклассического анархизма явились наи-

* См. также: Ударцев С. Ф. Теория анархизма и эволюция цивилизации (заметки и размышления) // Прямухинские чтения 2009 года. М., 2011. С. 179–199.

** Об этом подробнее см.: Ударцев С. Ф. Политическая и правовая теория анархизма в России: история и современность. Алматы, 1994. С. 95–102; Он же. Анархизм // Русская философия. Малый энциклопедический словарь. М., 1995. С. 18–21.

более творческими, «прорывными» системами идей для анархического сознания.

Неоклассические теории анархизма с адаптированными к новым условиям идеями Штирнера, Прудона, Бакунина, Кропоткина и других классиков анархизма решали преимущественно задачи сохранения преемственности в анархическом сознании, сохранения основ классического анархизма. В отличие от них новейшие *теории неклассического анархизма*, неидентичные классическому анархизму, часто выступавшие с его критикой, имели иные исторические задачи. Эти задачи сводились прежде всего к попыткам творческого прорыва анархического сознания в осмыслении новой эпохи, ее особенностей и новейших феноменов, впервые практически обозначившихся перспектив дальнейшей эволюции человечества.

Поскольку Россия первой в XX в. вошла в полосу раскрытия новых исторических возможностей и опасностей, то не случайно, видимо, в 1920–1930-х гг. именно в СССР произошел мощный исторический всплеск новых идей и концепций анархического сознания, затем получивших распространение в других странах.

В России и СССР получают развитие, например: *анархизм-гуманизм* (А. А. Боровой), делавший акцент на более широкое научное осмысление проблем человека, его прав и свобод в истории и в условиях формирующихся тоталитарных государств; *анархизм-универсализм и анархизм-интериндивидуализм* (А. Л. Гордин), активно работавший с начала 1920-х гг. над проблемами намечающегося формирования планетарной экономической и политической организации, а также информационно-технологической революции; *анархизм-биокосмизм* — одно из направлений российского космизма, космизации анархического и политического сознания в целом в начале 1920-х гг., впервые ставившее отдельные проблемы приближающейся космической эры в истории человечества; *мистический анархизм* 1920–1930-х гг. (А. А. Карелин, А. А. Солонович), пытавшийся выйти за рамки познанного наукой и включить в теорию анархизма, соединить с ним проблематику эзотерических знаний человечества, накопленных в мистических орденах, опирающихся на многовековой опыт духовной и мистической культуры; и др.

Несмотря на то, что к концу 1930-х гг. первая волна постклассического анархизма была задавлена репрессиями, через

два-три поколения, в конце XX в. — накануне и в период распада СССР — в общественном сознании воссоздается и поднимается новая волна анархизма. В 1989—1991 гг. в разных городах СССР издавались десятки анархистских газет и журналов*. В этот период анархизм получает широкое распространение, начинается самообучение и саморазвитие его лидеров, теоретиков, публицистов и деятелей. В последующие годы происходит достаточно долгий процесс качественного созревания новых доктрин российского анархизма, имеющих более широкое и научное основание, а также его размежевание, дифференциация, эволюция в широком диапазоне и в разных направлениях ряда бывших лидеров анархизма. К концу XX в. идеи постклассического анархизма, получившие распространение и развитие к этому времени в разных странах мира, в модифицированном виде возвращаются в Россию и оказывают определенное дополнительное влияние на российский анархизм.

В начале XXI в. в разных странах, в том числе и в современной России, на базе синтеза адаптированных концепций классического анархизма и идей неклассического анархизма формируются разнообразные варианты современного постклассического анархизма. В конце XX — начале XXI в. возникают и развиваются новые течения постклассического анархизма: анархизм-экологизм, критически переосмысливающий возможности государственно-организованного общества по преодолению угрозы глобальной экологической катастрофы и ведущий поиск альтернативных моделей общественного и политического развития с учетом ценностей анархического сознания. Появляется также инфо-анархизм, пытающийся осмыслить реалии информационного общества, роль и эволюцию государства, место человека и его сознания, прав и сво-

* Данные вопросы в свое время изучались нами, был собран значительный материал, но в опубликованных работах он нашел лишь фрагментарное отражение, см.: Ударцев С. Ф. Политическая и правовая теория анархизма в России: история и современность. Алматы, 1994. Другого известного автору издания данной книги в Москве и иных городах не было. Приходится констатировать, что, к сожалению, в силу библиографической редкости этого издания (имеющегося в нескольких российских библиотеках), некоторые исследователи в статьях, диссертациях и авторефератах диссертаций пользуются неточными пиратскими копиями данной книги, размещенными в Интернете и содержащими значительные искажения, пропуски и т. д.

бод в этом мире, и их перспективы с позиций фундаментальных основ анархизма.

Синтез различных течений в постклассическом анархизме и появление новых не умаляют значение идей П. А. Кропоткина как классика анархизма, а, наоборот, открывают новые аспекты, грани в его творчестве и научном наследии, полнее вырисовывают его место в истории политической и правовой мысли российского и международного освободительного движения.

В целом политическое и правовое учение Кропоткина сыграло важную роль в эволюции и гуманизации общей теории анархизма, формировании ее более широких научных основ с ориентацией на перманентную интеграцию научных данных, в изменении некоторых ее ценностных ориентиров и отношения к смежным теориям в освободительном движении, в частности либерального направления. Широкий взгляд мыслителя на многие проблемы, стремление избежать крайностей и субъективизма в оценках и прогнозах эволюции общественных явлений обеспечили устойчивую актуальность и влияние его идей в длительной перспективе на траекторию эволюции доктрины анархизма.

Ряд идей и концепций Кропоткина в его политической и правовой философии высвечивали некоторые вечные проблемы и соответствовали перспективным тенденциям поисков истины в сфере правовой и политической мысли. Некоторые его идеи, гипотезы и век спустя опережают развитие науки, и их научный потенциал может быть окончательно выяснен лишь в будущем.

Содержание

От редактора	5
<i>Маркин В. А.</i> Возвращение П. А. Кропоткина в Россию (1917–1921).....	11
<i>Ударцев С. Ф.</i> Политическая и правовая доктрина анархизма П. А. Кропоткина: век спустя.....	37
<i>Шубин А. В.</i> П. А. Кропоткин: от радикализма к умеренности	76
<i>Гордон А. В.</i> Вера и знания в этическом учении П. А. Кропоткина.....	96
<i>Филатова Е. В.</i> Этика как основа философии П. А. Кропоткина	130
<i>Артемьев В. М.</i> Нравственность и свобода в этико-философской концепции П. А. Кропоткина	156
<i>Рахманинова М. Д.</i> Кропоткин и Штирнер: современность как точка встречи полюсов анархизма	175
<i>Рублёв Д. И.</i> Развитие анархо-коммунистических идей П. А. Кропоткина в русской анархической мысли (1900–1930-е гг.)	198

Рябов П. В.

Петр Кропоткин и Алексей Боровой: от классического
к постклассическому анархизму 233

Дамье В. В.

Идеи Кропоткина и международное анархистское движение
в 1920–1930-х гг. 266

Ровна Л. А.

Чешский анархизм и влияние Петра Кропоткина 300

Лебедева А. П.

Наследие П. А. Кропоткина и современное анархистское
движение Западной Европы 333

Талеров П. И.

К историографии анархистских воззрений П. А. Кропоткина 355

Хроника основных событий жизни и творчества 375

Избранная библиография 381

Именной указатель 438

Сведения об авторах 443

Научное издание

Философия России первой половины XX века

Петр Алексеевич Кропоткин

Ведущий редактор *И. В. Федосеева*

Редактор *Е. А. Кочанова*

Художественный редактор *А. К. Сорокин*

Художественное оформление *А. Ю. Никулин*

Технический редактор *М. М. Ветрова*

Выпускающий редактор *Н. Н. Долманова*

Компьютерная верстка *Е. Н. Мартемьянова*

Корректор *Н. В. Филиппова*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 00.00.2012.
Формат 60х90/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 28. Тираж 1000 экз.
Заказ.

Издательство «Российская политическая энциклопедия»
(РОССПЭН)

117393, Москва, ул. Профсоюзная, д. 82